

Ночь прошла.

Двое взрослых мужчин в «комнате новобрачных» провели их свадебную ночь так, будто пришли помянуть усопших - никто толком не сомкнул глаз.

Бянь Хун лишь на мгновение провалился в неглубокий сон и проснулся ещё до рассвета. Он лежал, не мигая, глядя в оконные переплёты, бездумно ожидая наступления утра. Ему оставалось жить день за днём, сколько суждено. Но умереть здесь, напугав смертью слепую, тяжело больную старушку из соседней комнаты, - так нельзя. Раз уж взял на себя чужую последнюю волю, раз уж обменял себя на пятьдесят цзиней проса, должен хотя бы пережить её. Уйти вслед за ней можно и позже.

Мысли текли рваными, спутанными отрывками; временами сознание пустело, и он просто ощущал эту незнакомую комнату и чужой, непривычный запах, наполняющий её. Он тихо втянул воздух и понял: пахнет чем-то, как сильный горный олень, бегущий по склонам; как влажный лес под утренним солнцем; как тяжёлые еловые лапы под снегом, с которых зимой падают лёгкие сосновые шишки.

Этот чужой, густой, сложный запах исходил от того, кто сейчас лежал на краю кана, раскинувшись, словно большой горный лев. Одежда на нём не было; лишь спутанные, торчащие клоками каштановые волосы и небрежно накинутая сверху одежда.

Но даже так, лежа беспорядочно и незащитно, он излучал слишком явное присутствие, слишком сильную, почти хищную наполняющую пространство мощь. Из-за неё Бянь Хуну было не по себе - ни сидеть, ни лежать спокойно он не мог.

Чтобы спуститься с лежанки и выйти из комнаты, нужно было перешагнуть через его тело. Поэтому Бянь Хун терпел, пока наконец, с рассветом, мужчина тихо поднялся и вышел наружу. Только спустя ещё какое-то время, выждав наверняка, Бянь Хун осторожно выбрался со своего угла.

Был уже поздний осенний холод, особенно на горе - дыхание у дверей сразу превращалось в беловатый туман. А мужчина же стоял в одном исподнем, голые плечи парили на утреннем морозе, пока он размашистыми ударами рубил поленья. Цельное круглое бревно толщиной в человеческую талию у него в руках превращалось в ровные, одинаковые чурбаки за несколько взмахов топора. Он аккуратно складывал их вдоль стены, ровно, как вояки складывают оружие.

Бянь Хун остановился на пороге, на миг потерявшись. Жун Фэн, заметив его, остановил топор, небрежно стёр со лба пот и кивком указал на кухню. Бянь Хун решил, что его просят готовить, и молча опустил взгляд, направляясь туда.

Кухня здесь была совмещена с двумя комнатами: при входе деревянные столы, на которых лежали редька и капуста; на балках висели нанизанные на верёвку сушёные горные грибы и прочие дары леса. Дальше, вдоль стены, стояла глиняная плита, соединённая с каном в комнате матери Жуна Фэна. Стоило затопить очаг, и тепло поднималось по всей стене,

прогревая оба помещения.

Однако на плите стоял большой железный котёл, и это удивило Бянь Хуна. С тех пор как он побывал в армии, он узнал: железо в этом мире редкость. Все запасы уходят на оружие, особенно в военные годы; железных орудий почти не встретишь, а кухонной утвари и подавно. Такой тяжёлый, добротный котёл стоил бы огромных денег.

Он собирался было решить, что готовить, но, коснувшись ладонью края плиты, ощутил тепло. Он приподнял крышку, и в лицо мягко ударил густой, белый, ароматный пар.

Внутри уже кипела густая рисовая каша. А поверх неё на бамбуковой паровой решётке лежали пять больших кукурузных булочек – жёлтых и пухлых. Рядом целая большая миска яичного крема. Только вот яичный крем был приготовлен очень неумело, сразу было видно, что это не руки матери Жун. Но для Бянь Хуна, который едва выбрался из череды голода, ужасов и лишений, это было пиршество. Невероятное богатство. Аромат стоял такой, что сердце болезненно сжалось.

Яйца.

Он не ел их... лет шесть или семь. Даже сам не знал, жалеть себя или смеяться.

Он невольно вспомнил: в последний раз яйцо он ел тогда, когда родился Юаньдин. Крестьянка в муках рожала, и семья, сжав зубы, выменяла несколько яиц – редчайшая роскошь. Из них приготовили маленькую чашку яичного крема. И даже тогда супруги пожертвовали своей долей – всё выскребли и перемешали с рисом для него.

Но вместе с памятью о яйце в его сознание всплыли другие образы: горевшая в огне хижина, почерневшее, мёртвое тело крестьянина, так и не закрывшего глаз; и лица Юаньдина и Гуаньбао – истерпанные голодом, исхудавшие, тихо спящие в ту ночь, когда он сел в свадебный паланкин.

Плечи Бянь Хуна беззвучно опали. Он осел на пол, прислонился к тёплой печи и закрыл лицо руками, то ли смеясь, то ли плача без слёз.

И только через долгое время сумел снова собраться.

Когда он поднялся и принялся за дело, обнаружил, что ватная куртка висит на нём слишком мешковато. Тогда он снял её, свернул и завязал вокруг пояса, чтобы не мешала, и только после этого начал разливать кашу и раскладывать еду.

Жун Фэн, всё ещё коловший дрова во дворе, заметил, как тот держит в руках поднос и направляется к комнате матери. На миг он замер, и топор ушёл вбок: от пня откололся приличный кусок.

Он... собирается есть вместе с ними?

Жун Фэн отчетливо помнил вчерашнюю ночь: человек на лежанке был словно напуганная птица, стоило ему пошевелиться, как тот сразу отползал к самому углу, так что Жун Фэну пришлось лежать всю ночь, не меняя положения, чтобы не тревожить его. Плечо отлежал так, что к утру скованность не отпускала. Даже когда варил кашу, рука дрогнула, и зерно просыпалось.

Он изначально собирался дать ему поесть первым, чтобы избежать прямого столкновения. Но вдруг увидел: тот снял большую, давно ставшую ему великоватой ватную куртку, ту самую, что сам Жун Фэн перерос ещё в подростковом возрасте, завязал её вокруг тонкой, почти в обхват ладони талии, а потом, подав еду матери, вышел к двери и... поманил его рукой.

Жун Фэн немного подумал, отложил топор, вытер пот с плеч и груди, и лишь перед тем как войти, машинально откинул вперёд упавшие пряди волос, прикрыв ими ту странную, пугающую людей голубую радужку.

Сегодня его мать была особенно рада. Болезненная усталость будто отступила, взгляд оживился. Она давно знала: сыну уже время жениться. Да только слухи ходят такие, что ни одна девушка не решалась подойти. Да и сам Жун Фэн угрюмый, молчаливый, неприветливый: как бы она ни уговаривала, он всех, кто приходил посвататься, своей холодной манерой обращался вспять.

А ведь она... она не могла быть с ним долго. И стоило ей представить, что после её смерти он останется один, затерянный среди людей, которые его боятся и не понимают, сердце разрывалось. И потому она, наперекор сыну, тайком поменяла деньги, отложенные на лекарства, на сотню цзиней проса и пошла в деревню Шаньюй искать семью для сватовства.

В итоге Жун Фэну пришлось взять ту огромную связку шкур, что берегли к празднику, и продать её в городке, чтобы снова купить лекарства.

Какими бы ни были трудности и ошибки на пути, нынешняя картина согревала сердце старушки. «Новая невестка» был немногословным, но по поведению - добрая душа, аккуратная, кроткая. Когда они втроем сидели за одним столом, мать Жун впервые за много лет почувствовала, что их дом... словно заново стал домом.

За столом стояла тишина; слышен был только лёгкий звон посуды. С начала и до конца Бянь Хун так и не притронулся к яичному крему, только сидел, опустив голову, и ел кукурузную булочку, макая ее в рисовую кашу. Жун Фэн много раз косился на него. А потом резко взял чашку с яичным кремом и половину переложил матери, а вторую половину... вывалил прямо в чашку с кашей перед Бянь Хуном.

Тот как раз поднёс ложку ко рту, и крем брызнул ему на щеку и губы. Он неловко высунул язык и слизнул каплю у самого уголка рта, и в ту же секунду по языку растеклось то самое давно забытое, почти болезненно тёплое, яичное благоухание.

Мать Жун взглянула на выражение лица сына, затем украдкой улыбнулась, уткнулась в свою тарелку и стала есть веселее прежнего. Бянь Хун же смутился ещё больше и попытался придвинуть чашку назад к мужчине - мол, это ваше, возьмите обратно. Но мать Жун тут же мягко, но решительно остановила его:

— Эй! — сказала она, будто слегка укоряя.

— Он глупый и толстокожий, — проворчала старушка, — дурачина здоровенный, помои ест и то впрок идёт. Не надо ему хорошего. А ты, дитя, глянь, какой худой... Не думай о нём, ешь сам, слышишь?

После еды Жун Фэн быстро снова вышел работать, а Бянь Хун, убрав со стола и вымыв посуду, уже собрался идти, как его позвала мать Жун.

— Дитя, иди сюда. Мама снимет с тебя мерку. Сперва переделаем ватную куртку, а через пару дней скажу Сяо Фэну, отведёт тебя в город, купите несколько чи полотна. Пошью тебе новую одежду.

Бянь Хун сразу стал отнекиваться: тёплая одежда - уже роскошь, и эта семья делает для него слишком много. От этого у него внутри росло тяжёлое чувство долга. Но мать Жун наотрез замотала головой и, на ощупь ища опоры, попыталась спуститься с лежанки. Он поспешил к ней и подхватил, подставил плечо. И тогда ему ничего не оставалось, кроме как стоять, позволив согнутой старушке ладонь за ладонью обмерять его плечи и талию. Каждое её прикосновение заставляло его вздрагивать - не от боли, а от инстинктивной, неконтролируемой защитной реакции. Но он изо всех сил сдерживался, не отступал от слабых, сухих рук старухи, чтобы не ранить её ненароком.

Слепая женщина водила ладонью по его узким, напряжённым плечам, таким хрупким, будто на них давили годы холодного дождя, ветра и камня. Она словно ощупью читала на его теле шрамы пережитых бурь, тяжесть ноши, которая легла на него тогда, когда он ещё толком не вырос.

В этот день семья Жун поела три раза, и даже на ужин была небольшая чашка жареного вяленого мяса. Чтобы мужчина не мог прямо положить мясо в его чашку, Бянь Хун сам протянул руку и символически взял пару кусочков. Мясо слегка подгорело, вкус вышел странным, но даже так невозможно было скрыть природный аромат вяленого мяса. Бянь Хун разорвал маленький кусочек на несколько частей и медленно съел, тщательно смакуя.

Бянь Хун подумал: ел ли Юаньдин или Гуаньбао когда-нибудь вяленое мясо? Скорее всего, нет. Когда дети голодали до изнеможения, они рассказывали ему о еде, которую видели во сне, - бедная, скудная фантазия, словно они никогда в жизни не пробовали ничего по-настоящему вкусного. Подумав об этом, Бянь Хун почувствовал щемящую кислинку в носу, его худые плечи ссутулились, он опустил голову.

Ночью он снова устроился в старом углу у стены, мысли путались, смешиваясь в один

беспорядочный клубок: зачем он вообще продолжает жить в этом мире? Может, стоило не выбираться из обрушившейся угольной шахты, закрыть глаза во время землетрясения в детском доме или во время засады войска просто опуститься в ледяную реку... опуститься... и постепенно перестать дышать...

Бянь Хун непроизвольно задержал дыхание, его всего начало трясти. Лежавший на другой стороне кана Жун Фэн сразу же сел, затем, опершись на одно колено, шагнул к нему. Одной большой рукой он стиснул Бянь Хуну подбородок, заставив поднять голову, а другой резко разжал ему рот, втиснув большой палец между плотно сжатыми зубами.

— Эй! Дыши! С силой дыши! Что с тобой вообще такое? Ты меня до такой степени боишься? Тогда завтра же уйдёшь.

Сознание Бянь Хуна почти распалось, он начал впадать в состояние, похожее на шок, но его грубо вытянули обратно этими большими руками Жун Фэна. Постепенно он смог снова ровно задыхаться, поднял голову и увидел перед собой синий зрачок, а заодно услышал сказанные слова.

Они были слишком близко друг к другу. Бянь Хуну показалось, будто его прижимает рассерженный лев, он ослабел, руки и ноги стали ватными. Он оттолкнул мужчину и, перевернувшись, принялся тяжело дышать, уткнувшись в лежанку.

Жун Фэн тоже дышал тяжело, неясно, от злости или от волнения. Он стоял на коленях, уставившись на Бянь Хуна своими разноцветными глазами.

Постепенно дыхание Бянь Хуна выровнялось, он начал приходить в себя. Его приступы были волнообразными, и эта волна, кажется, уже отступила. Тогда он обернулся, искоса глянул на мужчину и небрежно бросил:

— Что в тебе может быть страшного? Чего я только не повидал.

Бянь Хун редко говорил, а уж тем более с ним, потому Жун Фэн на миг застыл, и лишь спустя паузу снова заговорил:

— Мои глаза разве не страшны?

Бянь Хун фыркнул. Чего там бояться в паре разноцветных глаз словно у какой-то породистой собачки. Он знал: источник его болезни - в прошлом, не в людях вокруг.

Бянь Хун покачал головой, затем плотнее закутался в одеяло и снова забился в свой угол:

— У меня есть некоторые... недуги. С тобой это никак не связано. Не обращай внимания, привыкнешь.

В комнате вновь воцарилась тишина. Бянь Хун затих так, будто действительно заснул. Жун Фэн же напротив стал ворочаться туда-сюда, словно нарочно пытаясь привлечь внимание. Но всё напрасно: лежавший на другой стороне дышал так тихо, будто его и вовсе не было.

<http://bllate.org/book/13502/1199890>